

Забывшая песня
шаманка

Марина Капранова

Марина Капранова

Забытая песня шамана

Серия «Отвяжись,
плохая жизнь», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68893485

SelfPub; 2023

Аннотация

Ах, как хорош август, как притягательны звуки и запахи леса. Но, прелесть почти первозданной природы, уходит на второй план. Знакомство Арины с необычными людьми – Тандалай и ее сыном Кайратом приводит к интригующим последствиям и селит в душе девушки беспокойство. И что общего может быть у Клавдии Захаровны с людьми из далекого Горного Алтая? Откуда прилетает давно забытая, но такая знакомая песня шамана? А тут еще, так совсем некстати, тревога за любимого человека. Неужели он, и, правда, способен на измену? И, самое главное, медвежий клык. Что за тайну он скрывает и почему за ним развернулась самая настоящая охота?

Марина Капранова

Забытая песня шамана

Конец августа. По календарю еще лето, но ночи становятся свежими и прохладными, и под утро серебристые прозрачные капельки росы на растениях – обычное явление. Туманным, холодным, промозглым утром терпко пахнет осенью. Из леса прилетают манящие запахи грибов, прелого мха, брусничника и еще чего-то неведомого, но такого знакомого с детства каждому, кто вырос в сибирском селе, почти в самом центре Караканского бора. На кудрявых березах появляются отдельные пожелтевшие прядки – веточки, словно художник осторожно, ненавязчиво сделал пробный золотой мазок, чтобы дерево постепенно привыкало к смене красок и осознавало, что с летом неизбежно придется расстаться. По небу вальяжно и нерасторопно, с чувством выполненного долга, пролетают одинокие птицы. Потомство за короткий теплый сезон появилось на свет, и молодая поросль успела подрасти, набраться сил и окрепнуть. Вот только в песнях пернатых уже не было прежнего щемящего душу задора и предвкушения зарождения чего-то нового, трепетного и необъяснимо волнующего. В протяжном пении появились печальные нотки сожаления о безвозвратно уходящем лете и предчувствии необратимых в природе перемен.

***

Арина, любуясь лесом, стройными макушками деревьев, возвышавшимися над крышами домов, прямо за селом, неторопливо возвращалась от Клавдии Захаровны, держа в руках баночку густого, изумрудного варенья из зеленого крыжовника. Ей бы радоваться каждой клеточкой души прекрасной погоде, ясному дню и своей молодости, но настроение было волнительно-грустное с некоторыми штрихами возбуждения. И этому настроению она не могла дать ясно-го объяснения. Нет, совсем не грустно от того, что скоро на работу, закончилось лето и вместе с ним отпуск. По школе, урокам, ученикам она успела соскучиться. А тут совсем другое. Все дело в том, что сегодня она встретила у Клавдии Захаровны женщину, которая была не такая, как все, кого она знала прежде. И эта непохожесть ее почему-то взволновала и растревожила. Ее внешний вид разительно отличался от вида сельчан, но не это главное. Пронзительные, спокойные глаза заглядывали за грань возможного, так, по крайней мере, почувствовала Арина. Возникло ощущение, что женщина разговаривает душой, проникая к собеседнику в самые потаенные уголки сознания.

А началось все с банальных вещей, на которые Арина не обратила бы даже внимания и не придала им большого значения – ведь у каждого бывают бытовые неприятности – если бы они не повторялись с частой периодичностью и все за один вечер. Но все по порядку...

***

– Арина, не проходи мимо! – прокричала Клавдия Захаровна, вытирая руки о передник, завидев Арину, проходившую мимо ее дома. – Зайди, а то пожилую женщину забыла, не навещаешь совсем, – в голосе Клавдии Захаровны не было упрека, она говорила с доброжелательностью и любовью, словно боялась, что девушка, сославшись на неотложное дело, пообещает зайти попозже. А ей хотелось пообщаться с Ариной именно сейчас. Прикипела она душой к молодой учительнице и совсем по-матерински заботилась и жалела ее.

– Здравствуйте, Клавдия Захаровна, – поприветствовала Арина бывшую хозяйку, входя в калитку. И заметив на столе трехлитровые банки, наполненные спелыми, упругими аппетитными томатами, поинтересовалась:

– С урожаем боретесь?

– Да не говори, помидоры нынче такие сладкие, мясистые, запашистые. Видно, солнышко их вдоволь за лето побаловало, погрело, сочностью наполнило. И, кивнув на скамейку, на огромный таз с овощами, добавила:

– Вот, томатный сок собираюсь сварить: мой Рома его очень уважает.

И словно боясь получить отказ, просительно, но в то же время воодушевленно, предложила:

– Пойдем, что ли, чаю попьем! Я свежее крыжовниковое варенье из позднего сорта сварила, оно получилось прямо-таки королевское.

Арина улыбнулась, поддерживая приподнятое настроение Клавдии Захаровны, и последовала вслед за женщиной в дом. Хозяйка дома привычно, легко закружилась по кухне, ловкими руками собирая на стол. Она только успела неторопливо разлить по чашкам чай, как дверь легонько приоткрылась и на пороге появилась женщина с мальчиком лет шести-семи.

– Добро в ваш дом, – произнесла спокойным, приятным голосом молодая женщина. – Мне сказали, что вы комнату сдаете, – негромко, но твердо произнесла она. Арине показалось, что уверенность и требовательность ее голоса не потерпит возражений и хозяйка непременно, и это даже не обсуждается, даст положительный ответ.

Клавдия Захаровна отчего-то напряглась всем телом, задержала пристальный, беспокойный взгляд на незнакомке, затем, словно опомнилась, бросила на Арину тревожный, растерянный взгляд, словно ища поддержки, и спросила:

– А кто Вам сказал, что у меня комната сдается?

По смятенному выражению лица Клавдии Захаровны Арина поняла, что хозяйка не хочет сдавать комнату именно этой женщине и, возможно, сейчас прокручивает в голове, подбирая убедительные слова, вежливый отказ.

– Добрые люди, – ответила спокойно женщина и добавила, – нам ненадолго, всего на пару дней.

– Хорошо, – к большому удивлению Арины, покорно согласилась хозяйка дома. Но напряжение ее не покидало, и

она голосом, в котором появилась хрипотца, предложила:

– Проходите. Садитесь с нами чай пить, потом комнату покажу.

Незнакомка нежно и уверенно подтолкнула мальчика к столу, и сама тоже присела на краешек свободного стула.

– А как Вас величать-то? – поинтересовалась Клавдия Захаровна, немного справившись с голосом, доставая из шкафа чашки для гостей.

– Я Тандалай. А это... – женщина ласково, с большой любовью в глазах посмотрела на мальчика, – мой сыночек Кайрат.

– Красивые у вас имена, – произнесла Арина, рассматривая неожиданно свалившихся гостей Клавдии Захаровны. Симпатичной женщине на вид было лет двадцать пять, блестящие черные с красивым отливом волосы заплетены в две тугие косички и, переплетаясь сзади между собой, плотно прилегли к голове с помощью шпилек. Из-под озорной взъерошенной челки смотрели чуть раскосые спокойные, пронизательные черные глаза. Широкие скулы совсем не портили лицо девушки, чуть зауженный подбородок под пухлыми губами выражал внутреннюю решительность и твердость характера. Одета женщина была немного несовременно: просторное трикотажное коричневое платье в мелкий цветочек было явно ей не по размеру – смотрелось великовато. На ногах – белые слегка припыленные носочки и удобные сандалии. Мальчуган был круглолицым, с такими

же раскосыми, как у матери, глазами, но он смотрел слишком серьезно и пронизательно, что совершенно не соответствовало его возрасту.

– Да, – отозвалась Тандалай. – Мое имя ясное, как утренняя заря, оно поет, как горный цветок-эдельвейс, ласково играет, как спокойный океан. Имя Кайрат таит в себе силу, мощь, энергию, но в то же время несет благо и добро.

– Да-а-а, – произнесла Клавдия Захаровна, расставляя перед гостями чашки с чаем. – Наши-то имена поскромнее будут. Это Арина Владимировна, местная учительница. А я – Клавдия Захаровна. Да что же вы сидите просто так?! С дороги-то, наверное, голодные? Кушайте!

– Спасибо, Клавдия, – поблагодарила Тандалай и спокойно бросила сыну, – Кайрат, ешь.

Арина тайком вопросительно посмотрела на Клавдию Захаровну: та в матери молодой женщине годилась, а она ее просто по имени называет. Но Клавдия Захаровна, поймав недоуменный, немного растерянный взгляд Арины, только еле заметно и безразлично пожалала плечами и спросила у Тандалай:

– Так откуда, говоришь, вы будете?

Тандалай улыбнулась одними глазами: про то, откуда они и зачем появились в Боровиково, она ранее не обмолвилась ни словом, но все же ответила, пристально наблюдая за лицом Клавдии Захаровны.

– Горный Алтай... Знаете, где находится?

Клавдия Захаровна неожиданно побледнела, пошатнулась, уперлась рукой о столешницу, но устояла на ногах, осторожно присела на стул и прикрыла на мгновение глаза.

– Вам плохо? – не на шутку встревожилась Арина.

Клавдия Захаровна постепенно приходила в себя, отглотнула из бокала теплый чай и тихо прошептала:

– Что-то голову обнесло. И к чему бы это? – и тут же, словно у нее прорезался голос, нарочно громко, с обидой в голосе ответила Тандалай. – Так не из тундры мы вышли – слышали, конечно.

Тандалай сделала вид, что не заметила колкого замечания хозяйки, и оценивающим, напряженным, спокойно бесцеремонным взглядом обшарила кухню Клавдии Захаровны и произнесла:

– А хозяйка не одинока. В доме мужчина бывает, правда, редко.

– Муж, Роман Семенович, – коротко пояснила Клавдия Захаровна, не вдаваясь в подробности.

– Муж, это хорошо... Значит, Ро-ма-а-а-ан, – нараспев произнесла мужское имя, словно оценивая, каким может оказаться человек, носящий имя Роман, которое в переводе с греческого означает «крепкий». Но заметив, как у хозяйки вторично кровь отхлынула от лица, переключилась на девушку.

Арине показалось, что ее просветили пронизывающим, колючим взглядом, словно рентгеновскими лучами; она

каждой клеточкой кожи ощутила этот проникающий взгляд, ей показалось, что теплая волна воздуха нежно пробежала по телу, обволакивая ее. А Тандалай, словно не замечая смущения девушки, произнесла:

– У тебя южный загар.

Арина хотела пояснить, что с подругой отдыхала на море и недавно вернулась с Кипра, но Тандалай, медленно прикрыв глаза, осторожно носом втянула воздух и добавила:

– Твоя кожа хранит тепло Средиземного моря и пахнет солью, теплым песком и солнцем.

Арине стало немного не по себе от осведомленности молодой женщины, но в то же время здоровое, молодое, неумное любопытство подталкивало задать кучу вопросов. Но заметив, что Тандалай все свое внимание переключила на сына и потеряла к девушке интерес, про себя решила, что обязательно должна будет встретиться с ней и поговорить. Арина вдруг остро почувствовала, что эта женщина необыкновенная – она обладает каким-то магнетизмом, а может, даже отмечена богом и таит в себе волшебный дар. А вот что это за дар, она пока объяснить не могла. А сейчас еще не время расспрашивать, да и честь пора знать – Клавдии Захаровне сейчас хлопот прибавится с постояльцами – и Арина заторопилась домой. Быстро допив чай, поблагодарила хозяйку:

– Спасибо, Клавдия Захаровна! Варенье просто изумительное, – и, скромно посмотрев на Тандалай, добавила, – я вас покидаю... Извините, но мне, правда, пора.

Тандалай не ответила, только опять улыбнулась одними глазами и перевела ласковый, любящий взгляд на сына.

Клавдия Захаровна, словно не замечая или не желая замечать странного поведения приезжей женщины, а возможно, делая вид, что не замечает, предложила:

– Ну что же, Арина, давай я тебя провожу до калитки... А это – тебе, ешь на здоровье, – протянула женщина девушке баночку с вареньем. И обратилась к гостям:

– А вы кушайте, не стесняйтесь, я сейчас вернусь.

– Клавдия Захаровна, не боитесь на постой пускать незнакомцев? Странные они какие-то, – спросила Арина, стоило женщинам выйти из дома и направиться к калитке.

– Может, и странные, – отозвалась хозяйка. – Все же одно – люди, не звери. Видно, судьба их к нам загнала. Время покажет.

– Здорово, Клавдия, – раздался знакомый голос, как только женщины подошли к калитке.

– Здравствуй, Лиза. А ты чего в наших краях?

– А что нельзя? Иль улица у тебя купленная?

– Господи, не говори ерунды! Я ведь так, ради приличия, спросила, – ответила Клавдия Захаровна. Недолголюбивала она в душе вездесущую Елизавету Степановну. Уж очень женщина была любопытна и, узнав любую новость первой, всегда охотно делилась ею с красочными подробностями.

– Так тогда и я ради приличия спрошу? Откель гости у тебя такие... э-э-э необычные? – не унималась Елизавета Сте-

пановна.

– Так это ты их ко мне направила? – вдруг осенила догадка Клавдию Захаровну, и она даже вздохнула с облегчением.

– Никого я не направляла, – не на шутку обиделась Елизавета Степановна. – Они на нашем рейсовом автобусе со мной от самого района ехали. Пассажиров в автобусе было немного, поэтому я чужаков сразу и заприметила, наблюдала за ними, но они всю дорогу ехали спокойно, молчали, ни с кем не разговаривали. А когда приехали в Боровиково, вылезли из автобуса и напрямиком к тебе направились. Я сама лично всю дорогу за ними шла, они ни с кем не общались.

Арина улыбнулась. Вот чего нельзя отнять у Елизаветы Степановны, так это безмерный, неумный интерес ко всему происходящему, который даже к пенсионному возрасту не обуздался, а стал, наверное, еще ярче проявляться даже в мелочах.

– Так ты не знала, что они к тебе приезжают, или просто говорить не хочешь? – настаивала Елизавета Степановна, напирая прямыми вопросами на хозяйку дома.

– Ой, Лиза, иди уже, куда шла! – отмахнулась, словно от назойливой мухи, Клавдия Захаровна. И, показывая всем своим видом, что разговор окончен, обратилась к Арине:

– Ну, мы с тобой потом договоримся насчет брусники.

Арина правильно истолковала слова женщины и, подыграв ей, ответила:

– Хорошо, Клавдия Захаровна, я буду ждать вашего звон-

ка, – и вежливо распрощавшись с женщинами, держа в руках баночку изумрудного варенья, отправилась домой, на ходу вспоминая непрощенных гостей Клавдии Захаровны.

***

За окнами Ариной квартиры быстро смеркалось, в приоткрытое на кухне окно холодной змейкой стал проникать неприятный сквозняк, ласково играя тюлевой занавеской и вытесняя теплый воздух. Арина сидела за обеденным столом и увлеченно просматривала свои записи в личном дневнике. В какую-то минуту она стала понимать, что ей отчего-то холодно, и она поежилась. Девушка поднялась из-за стола, сняла со спинки стула палантин, набросила его на плечи, и, машинально пройдя к окну, плотно прикрыла его. Вдруг остро ощутив, что хочет горячего чая с лимоном, по пути щелкнула кнопкой чайника, который тут же радостно засвистел, вытащила из холодильника свежий желтый фрукт и, прикрывая холодильник, спиной почувствовала ледяной, пронизывающий ветерок – но не придала ему значения – и повернулась, чтобы из навесного шкафа взять чайную чашку. Но неожиданно дверца шкафа, громко скрипнув в тишине, стала медленно открываться сама и, так и не открывшись до конца, застыла на полпути. Арина и этому обстоятельству не придала значения, шире открыла дверцу шкафа и, достав чайную чашку, плотно прикрыла дверцу, затем, словно во сне, пройдя к окну, отодвинула легкий тюль, чтобы прикрыть окно, забыв, что совсем недавно проделала данную процедуру.

Но, заметив, что окно закрыто, несколько секунд недоуменно смотрела в темное стекло и прошептала:

– Господи, что же это я? Я же его сама закрыла. О чем только думаю?

Чайник, звонко щелкнув, отключился, и Арина привычным движением поправила тюль на окне, подошла к кухонному столу и, бросив пакетик черного байхового чая в чашку, стала заливать его кипятком.

«Стоп! Если я закрыла окно, тогда откуда тянуло сквозняком?» – наконец-то взволнованно подумала Арина. Она обернулась на входную дверь – та была плотно прикрыта. «Странно, конечно», – Арина вернулась мыслями к напитку, она только оторвала чашку от кухонного стола, чтобы перенести ее на обеденный стол, как та, издав резкий щелчок, развалилась на две ровные половинки, словно кто-то рассек ее острой саблей. Арина успела отскочить от стола, прежде чем со столешницы ручейками потек кипяток, образуя на полу коричневую чайную лужицу.

– Отвяжись, плохая жизнь! Что сегодня за вечер такой?! Одни сплошные недоразумения, – ворчала Арина, выбрасывая осколки и собирая губкой влагу на столешнице.

В сенях послышались легкие, еле слышные шаги, Арина замерла и прислушалась, осторожный стук в дверь известил, что идет незнакомец.

«Странно», – соображала Арина. Ее всегда извещал о прибытии гостя к ней или соседям громким лаем соседский

пес Оболтус. А сегодня пес предательски молчал.

Несмелый, вкрадчивый стук в дверь повторился, но никто не входил.

– Открыто! – прокричала Арина, заканчивая с уборкой.

Дверь несмело открылась – на пороге стояла женщина, в руках она бережно держала небольшой берестяной туесок с невероятно крупной, спелой брусникой.

– Тандалай? – Арина одновременно удивилась и, сама не зная чему, обрадовалась. И видя, что женщина замерла в дверном проеме, поторопила ее:

– Ну что же ты застыла? Проходи.

Женщина молча и нерешительно прошла к столу и, поставив туесок на стол, пояснила:

– Клавдия передала.

– Да? – удивилась Арина и спросила:

– Ты одна? – и заглянула за спину Тандалай, ища Кайрата. Ей понравился смышленный и мудрый не по годам сын Тандалай, с внимательными, чуть раскосыми умными глазами, в которых, казалось, затаилась глубокая, совсем недетская грусть. И еще одна особенность поразила Арину: он не смеялся залиvisto, громко, как обычно смеются дети, и не проявлял с детской непосредственностью признаки радости и пытливого любопытства.

– Кайрат что-то занемог и уснул. За ним присмотрит Клавдия. А я вот ... – кивнула женщина на туесок и осторожно и точно, сантиметр за сантиметром, стала глазами обшари-

вать, словно сканировать, кухню Арины.

У Арины по спине пробежал недобрый холодок, в душе больно кольнула игла невысказанной, неизвестно откуда взявшейся тревожной печали, и она, теснее закутавшись в палантин, пересилив тягостное ощущение, произнесла:

– Спасибо. Проходи, присаживайся. Чай будешь?

Но Тандалай, закончив осмотр кухни, спокойно и пронзительно взглянула Арине в глаза, не ответила ей и осталась стоять на месте. Арина расценила молчание женщины как отказ и предложила:

– Тогда, может, в зал пройдем? – и первой вышла из кухни, прошла в зал и села на диван, взглядом приглашая гостью последовать ее примеру.

Но Тандалай, встав в дверном проеме, тем же настойчивым, интригующим взглядом стала осматривать зал. Арина поразилась еще одному обстоятельству: как только Тандалай появилась в дверном проеме зала, от ее фигуры на стену бросилась и сразу же выросла огромная тень.

«Интересно, – озабоченно, но совершенно спокойно, подумала Арина. – А почему тень появилась? Свет везде включен, сумрака нет...» – додумать она не успела. Тандалай сделала решительный шаг в комнату, по логике вещей, тень должна была последовать за ней, но тень, дернувшись, побежала по стене в другую сторону, к выходу из зала. В ту же секунду ваза с тремя белыми сочными, мясистыми гладиолусами, стоявшая на журнальном столике, стала неестественно

медленно опрокидываться, но кто-то невидимый и всесильный словно не хотел, чтобы это произошло, и поэтому старался удержать время, с усилием останавливая его и натягивая, как упругую струну. Арина вдруг почувствовала, что этот невидимый все-таки сумел немыслимым образом переломить время, потому что ваза с начинающими выпадать из нее цветами на долю секунды замерла в воздухе и стала возвращаться на прежнее место.

– Черт, – прошептала Арина, у нее вдруг заложило уши, перед глазами все поплыло, она непроизвольно прикрыла глаза, слушая неизвестно откуда взявшуюся песню шамана. Она ее слышала и раньше, правда давно, в каком-то художественном фильме.

– Айя-я-я-я-а-а-а, ойё-ё-ё-ё-о-о-о, э-э-э-э-йя...

А когда девушка открыла глаза, ваза стояла на столике, никаких признаков того, что она падала, не было. Она перевела взгляд на дверной проем – он был пуст. Арина неторопливо поднялась с дивана, в голове было ясно-ясно и... пусто. Было такое ощущение, что кто-то неизвестный освободил голову от всех мыслей, изъял их все разом, давая разрешение и возможность селиться там новым, самым разнообразным и невероятно свободным мыслям. Арина прошла на кухню – она тоже была пуста, на столе твеска с брусникой не было.

«Я так и знала», – спокойно и безразлично подумала Арина. Спроси ее сейчас, что она «так и знала», она бы не смог-

ла объяснить. Скорее всего, не заметила, как задремала, вот и привиделась Тандалай. Она налила чай в новую чашку и, прихватив со стола одиноко лежавший и на время всеми забытый дневник, вернулась в зал. Села за стол и, не задумываясь, на одном дыхании, начала писать, как чувствовала, что запомнила, заполняя ровными буквами белые строчки дневника. На миг остановилась только тогда, когда поняла, что устала, пальцы, державшие авторучку, затекли, и она глубоко вздохнула и прочитала вслух последнее предложение:

– А вечером этого же дня начались все эти странности и неожиданное появление Тандалай.

Арина оторвала взгляд от дневника и уже свободно вздохнула, чай в чашке давно остыл – она про него просто забыла, выплескивая на бумагу свои недавние переживания. Неожиданно ее взгляд уловил движение: необычный силуэт человека, отдаленно напоминавший приведение, переместился из зала на кухню. Арина замерла. В кухне раздался грохот, что-то упало на пол и задребезжало. Арина вскочила со стула и, подбежав к дверному проему, осторожно заглянула в кухню. На полу лежала коробка с бытовыми весами, которая раньше стояла на верхней полке подвесного шкафа, где у Арины разместились посуда.

– Фу, черт, – облегченно вздохнула Арина, поднимая коробку с пола. – С этим шкафом точно что-то не так. Надо Мишу попросить, когда вернется из командировки, чтобы

он его посмотрел, – вслух проговаривала Арина, чтобы прогнать остатки страха, подняла и поставила коробку на стол, добавила:

– То дверцы сами открываются, а то... – она не успела договорить – в стену кто-то постучал. Арина прислушалась. стук был монотонный, приглушенный, словно в стену вбивали деревянный гвоздь.

– Отвяжись, плохая жизнь... Кто это? Или что это? Оболтус-то опять не лает.

Стук не прекращался. Арина, кутаясь в палантин, включила свет в сенях и на крыльце, решила проверить, что же там происходит. Она вышла из дома на улицу, здесь тоже был слышен стук в кухонной стене, только на улице казалось, что стучат в доме.

– Нет, это невыносимо! Что происходит? – Арина зашла в сени и, плотно прикрыв дверь, накинула крючок. Ту же операцию она проделала, когда вошла в дом. Стук не становился громче, но его монотонность начинала раздражать. Арина подошла к стене и приложила ухо – это невероятно, но стучали где-то внутри стены!

– Неужели мышь завелась? – выдвинула неправдоподобную версию Арина, не понимая, как и чем может стучать мышь.

На столе призывно затрезвонил телефон, Арина от неожиданности вздрогнула, сердце заколотилось сильно и тревожно. Звонила Клавдия Захаровна.

– Арина, Кайрат не у тебя случайно?

– Нет, Клавдия Захаровна. Он и не приходил ко мне. А что случилось?

– Господи! И зачем я только взяла этих постояльцев?! ... Короче, они отдыхали в своей комнате, а я вышла на улицу к колодцу – вода дома закончилась. Вернулась и продолжила потихоньку хлопотать на кухне. Думаю, раз отдыхают – тревожить не буду. Через некоторое время заходит в дом Тандалай и мимо меня в комнату шась. Я спрашиваю:

– Ты когда вышла-то? Что-то я тебя не заметила.

– Клавдия Захаровна, так вы же ее ко мне с берестяным туеском брусники отравили, – закинула удочку Арина, стараясь прояснить ситуацию.

– Окстись, Арина, какой берестяной туесок? У меня такого в помине не было. Да и за брусничкой я в этом году еще не ходила, только собираюсь на днях сбегать. Тебя же вот хотела с собой позвать... А что, Тандалай действительно приходила к тебе? Зачем?

Арина не знала, что ответить. Ее состояние находилось в тот период, как ей казалось, в нереальности. Она сама не могла понять, приходила к ней Тайдалай на самом деле или все-таки это был сон, и она ответила женщине:

– Потом объясню.

– Хорошо. Ну, короче, выходит она из комнаты и спрашивает: «А где Кайрат?»

– Я в комнату шась, а мальчонки-то, и правда, нет. Я

ей и отвечаю, что не видела, когда он вышел. А Тандалай вдруг говорит покорным таким голосом, словно ее загипнотизировали, что ей якобы надо пообщаться с духами, и глаза у нее стали безразличными и стеклянными, неподвижными. Представляешь?! Потом спокойно прошла в комнату, села в угол, положила голову на колени и тут же уснула. Я ее попыталась растормозить, но бесполезно – она на самом деле очень крепко уснула.

Арина разволновалась не на шутку и посоветовала женщине:

– Клавдия Захаровна, звоните участковому. А я сейчас подбегу.

***

Арина вошла в дом Клавдии Захаровны в тот момент, когда хозяйка дома заканчивала рассказывать Павлу Юрьевичу о странном исчезновении Кайрата.

– А она, видишь ли, до сих пор спит. Пушкой не разбудить. Словно килограмм снотворного выпила.

– Фельдшера надо было еще позвать, – посоветовал участковый. – А то, может, она уже мертва.

– Да жива Тандалай. Она дышит. Правда, дыхание странное: то совсем тихое, беззвучное, а то шумное с хрипотцой. Но не просыпается, – огорченно, не на шутку забеспокоившись, всплеснула руками Клавдия Захаровна.

– Хорошо, давайте вернемся к мальцу. Может, кто чужой приходил и увел его с собой? – расспрашивал участковый,

побуждая хозяйку дома напрячь память.

– Я же уже все рассказала: никого постороннего не видела, ничего подозрительного не слышала. А ты, это, Паша, давай быстрее разбирайся, что к чему... Ох ты, Господи, прямо черт меня попутал связаться с ними. И что я ей сразу не отказала! А теперь вот расхлебывать приходится.

Арина, дослушав рассказ Клавдии Захаровны, прошла в комнату. Тандалай сидела в углу комнаты и покачивалась из стороны в сторону, продолжая держать голову на руках, лежащих на коленях, подтянутых к груди. Арина подошла поближе к женщине и потихоньку потрясла ее за плечо:

– Тандалай, очнись – Кайрата искать надо!

Но женщина продолжала сидеть и монотонно раскачиваться, по комнате полетел, перекатываясь, еле слышный завораживающий гортанный звук, исходивший явно не от женщины.

– Айя-я-я-я-а-а-а, ойё-ё-ё-ё-о-о-о, э-э-э-э-йя...

Арина, не добившись ничего от Тандалай, поспешила вернуться на кухню. Там Клавдия Захаровна шумно напирала на участкового, который находился в замешательстве и решил все вопросы оставить до утра.

– Да ты что, Паша, сдурел?! Как это, до утра поиски приостановить? А мне что делать?!

– Ты, Клавдия Захаровна, это... не забывайся. Я все-таки власть...

– А раз власть, так делай что-нибудь, веди свое расследо-

вание! Али сам вон сиди в комнате до утра, карауль, когда проснется моя постоялица. А я к Арине ночевать пойду.

Павел Юрьевич не на шутку встревожился, ему совсем не хотелось проводить ночь в чужом доме с неизвестной, неадекватной женщиной. Все происходящие события, конечно, из ряда вон, но не его же вина, что мальчик пропал. А хозяйка сама виновата – нечего кого ни попадя в дом приглашать – но все же решил успокоить женщину и найти убедительные доводы, чтобы она осталась дома до утра.

– Клавдия Захаровна, ну что же так горячиться! Вам дома надо остаться: вдруг ребенок сам вернется, а тут мать в таком состоянии, перепугается малец и успокоить его будет некому. Вы оставайтесь дома, а я, как только рассветет, к вам наведаюсь и, если изменений никаких не будет, район в известность поставлю. Пусть там решение принимают, что дальше делать.

– Тьфу ты! Ведь знала, что от тебя проку не будет, – бросила Клавдия Захаровна в сердцах. – Нет – все равно позволила!

Участковый расценил слова женщины как согласие остаться дома и, поднимаясь из-за стола, стал поспешно прощаться:

– Ну ладно, оставайтесь, бабоньки, я пойду.

Только участковый вышел за порог, Клавдия Захаровна устало и обреченно посмотрела на Арину и спросила:

– Нет, ты видела, каков гусь?! Совсем работать не хочет, –

и тут же осведомилась, кивнув на комнату. – Как она там? Все сидит?

Арина молча кивнула головой и предложила:

– Может, на самом деле пойдём ко мне ночевать?

– Да на кого же я хозяйство оставлю? А вдруг очнется, ещё дом мне, не дай бог, спалит!

– Ну тогда, может, мне у вас остаться? Не так скучно вдвоём время коротать.

– Не стоит, – отрезала хозяйка. – Зачем обеим мучиться? Ты лучше расскажи, зачем к тебе Тандалай приходила? Что ей от тебя нужно было?

– Не поверите: мистика какая-то, – и Арина рассказала, что произошло, закончив повествование словами:

– Знаете, если бы мне кто такое рассказал, я бы не поверила. Она словно околдовала меня.

Клавдия Захаровна молча выслушала девушку. Арине показалось, что женщина совсем не удивилась, и только спокойно посоветовала:

– Ты вот что... Квартиру свою неторопливо обойди с зажженной церковной свечой и крестик над входной дверью нарисуй, – Клавдия Захаровна открыла ящик кухонного стола, достала связку тонких, восковых свечек, перетянутых резинкой, вытащила три штуки и сунула их Арине в руку. – Ладно, иди домой, а то совсем уже поздно. Тут, может, Паша и прав – утро вечера мудренее.

Арина неторопливо возвращалась домой по улице, освещённой

щенной тусклым светом фонарей. По тихому, теплому вечеру гулял ласковый ветерок, он словно собирал яркие запахи цветов, перемешивал их и порциями раздавал редким прохожим. Арина глубоко вдохнула, свободно пропуская в легкие прохладный ароматный воздух. От его пряного послевкусия и необъяснимой, накопившейся за день усталости слегка закружилась голова. День действительно сегодня был такой длинный, волнительный, наполненный насыщенными событиями, но в помещение, как ни странно, заходить не хотелось – необъяснимо пугало одиночество. Именно сейчас ей нестерпимо хотелось, чтобы любимый, дорогой ее сердцу человек был рядом. И она невольно зацепилась мыслями о Мише. После ее возвращения с Кипра их отношения стали немного натянутыми. Арине казалось, что мужчина сразу догадался, что она ему в жаркой, солнечной стране изменила. Возможно, она сама дала повод усомниться в себе любимому человеку. Девушка не могла чувствовать себя по-прежнему раскованно с ним. Первые ночи, проведенные с Мишей после возвращения, стали настоящим испытанием для нее. Чем больше она старалась быть естественнее, тем больше ее тело предательски напрягалось. И перед глазами всплывали нежные, затуманенные страстью глаза киприота. И однажды Миша, не выдержав, спросил:

– Арина, я что-то делаю не так?

– Что ты! – слишком поспешно отозвалась Арина и уже неуверенно добавила:

– Миша, все хорошо.

Мужчина не стал больше ни о чем спрашивать, только в его глазах промелькнул стальной холодок, и он, ранее собиравшийся остаться у нее до утра, заторопился, неуверенно сославшись на неотложные дела, ушел. Арина, понимала, что бы она сейчас ни сказала, все будет выглядеть неправдоподобно, и она попросту промолчала, дав возможность любимому человеку спокойно покинуть ее дом.

Подойдя к калитке, она вернулась мыслями к своей квартире, где стали происходить странные вещи. Научного объяснения она данным явлениям дать не могла, оттого и было на душе беспокойно, словно должно что-то случиться неприятное. Хотя, конечно, оно уже, наверное, случилось. Правда, не с ней, а с неизвестно откуда взявшимися постояльцами Клавдии Захаровны. Судьба матери и ее сына пока косвенно коснулась самой Арины в виде необъяснимых явлений, но не галлюцинации же у нее, в конце концов! Поэтому, чтобы очистить свою квартиру от негативной энергии, Арина по настоятельной просьбе Клавдии Захаровны, все-таки взяла у нее церковные свечи.

***

Арина зашла в свою квартиру и с опаской осмотрелась: казалось, что все было по-прежнему и на своих местах, но только ощущение присутствия кого-то незримого в помещении не покидало ее. Она прислушалась. Монотонный стук в стене исчез, поэтому Арина вздохнула свободно и немно-

го приободрилась. Клавдия Захаровна перед уходом проконсультировала девушку, сказала, что первоначально надо очистить помещение от присутствия скопившегося негатива, а затем с обратной стороны входной двери нарисовать крестик, чтобы негативная энергия новым потоком не проникала в дом. Арина взяла спички, подожгла фитилек у одной свечи и только хотела сдвинуться с места, как налетел неизвестно откуда взявшийся сквозняк и затушил свечу. Арина повторила попытку, но безуспешно – свеча не хотела загораться.

– Отвяжись, плохая жизнь... Что же делать? – пробормотала Арина, откладывая свечу в сторону, постояла в нерешительности посреди кухни и уверенно прошептала:

– Так, я пойду от обратного.

Она достала ровный брусок ученического мелка, взяла стул и вышла в сени. Благополучно забралась на стул и только провела одну вертикальную полоску на стене над дверью, как у нее неожиданно обнесло голову, перед глазами замелькали черные точки, она пошатнулась, успела задержаться обеими руками за косяк и буквально стекла по нему на пол.

– Черт! – выругалась Арина, вытирая со лба холодный пот. – Ничего страшного нет, – стала она успокаивать себя, хотя не понимала, что происходит, но все же искала очевидные, объяснимые причины происходящего.

– Я просто переутомилась. Завтра я обязательно сделаю

все, как надо. А сейчас спать... спать и еще раз спать. Она зашла в дом и сразу отправилась в спальню, расправила неторопливо постель. Ее знобило, и Арина забралась в теплую фланелевую пижаму. Спать совсем не хотелось, голова вдруг стала ясной, но думать не хотелось, так же, как и спать.

***

– Господи, ни в одном глазу сна нет, – ворчала, ворочаясь в своей постели, Клавдия Захаровна, беспрестанно поправляя подушку. Наконец, она вымоталась от бессонницы, включила светильник и посмотрела на часы, они показывали ровно четыре часа утра. – Да что же это такое, прямо наказание какое-то! – негромко возмутилась она, вставая с постели. Сунула ноги в уютные старенькие тапочки и прошла в комнату. Тандалай по-прежнему сидела в углу, ее дыхание было спокойным и ровным. Клавдия Захаровна машинально перекрестилась, одними губами прошептала молитву «Отче наш» и вернулась в постель. Как-то неожиданно и сразу навалилась вязкая дремота, и она не заметила, как уснула.

Привычки у людей бывают самые разные. От одних, как бы мы ни старались, не можем избавиться. Они мешают нам жить, доставляют неудобства, раздражают наших родственников и друзей, наконец, пагубно влияют на наше здоровье и самочувствие. Другие вырабатываются годами и прочно входят в нашу жизнь навсегда, делая нас чуточку дисциплинированнее, принося в нашу жизнь радость, бодрость, настроение и здоровье.

Вот и Клавдия Захаровна проснулась в полшестого утра – ей для раннего пробуждения абсолютно не нужен был будильник. Совершенно неважно, во сколько она накануне ляжет спать, будет это время до полуночи или далеко за полночь, наутро обязательно наступит пробуждение ровно в полшестого утра.

Не давая себе долго нежиться в постели, женщина поднялась, накинула халат и пошла умываться. В приоткрытую на кухне форточку вместе с утренней прохладой прилетел звук притормозившего автомобиля. За окном стоял непроглядный, тягучий туман: в августе туман частое явление для сибирского села, словно еще одно яркое напоминание всему живому, что лето неминуемо близится к концу и уже совсем скоро ему на смену придет очаровательная пора осени.

«Паша, наверное, приехал, как и обещал», – подумала неспешно Клавдия Захаровна и вышла на крыльцо. Сквозь густую, непроглядную, висевшую упорно в воздухе пелену тумана она старалась разглядеть машину. Не дождавшись приехавшего участкового, она спустилась с крыльца и направилась к калитке.

К ее немалому удивлению, возле ворот стоял совершенно незнакомый, темный автомобиль. За тонированными стеклами машины невозможно было разглядеть, кто там находится. Коренастый мужчина, заметив хозяйку дома, вальяжно, нерасторопно вылез из автомобиля и, положив руки на забор, словно на школьную парту, напористо крикнул:

– Здорово ночевала, мамаша!

Клавдии Захаровне обращение раннего гостя явно не понравилось, и она, смерив незнакомца неприязненным взглядом, подумала: «Скорее всего, родственники Тандалай приехали».

На эту ясную мысль ее навела некоторая схожесть мужчины с Тандалай. Такие же смольно-черные волосы, алтайский разрез глаз и скуластое лицо. Правда, мужчина был одет в современный темный костюм, плотно прилегающий к телу, но только костюм на его коренастом теле казался тесноватым в плечах, да и пуговички пиджака, застегнутые на груди, вот-вот должны были, вырвав с мясом ткань, оторваться. Так, по крайней мере, они выглядели со стороны. Закончив внимательно и открыто рассматривать незваного гостя, хозяйка дома отозвалась:

– Кричать не надо, глухих здесь нет. И ты мне не сынок, чтобы мамашей кликать.

На лице мужчины не дрогнул ни один мускул, и как только женщина ближе подошла к калитке, он все же немного мягче произнес:

– Так подскажите, как к Вам обращаться.

– Клавдия Захаровна, – отозвалась хозяйка усадьбы и заинтересовалась:

– А чего хотел-то?

– Молва принесла весть, что моя родственница с сыном у вас остановилась. Это так?

– Может так, а может и не так. Даже не знаю, что тебе и ответить.

– Клавдия Захаровна, давайте не будем друг другу разум туманить. Тут же все просто, ответьте, пожалуйста, либо «да», либо «нет».

Клавдия Захаровна еле заметно ухмыльнулась, про себя отметив, что у них действительно разговор получается, мягко сказать, странный, и спокойно пояснила:

– Было бы все настолько просто, как ты говоришь, то ты бы ко мне не приехал, и не разговаривали бы мы сейчас с тобой, – и резонно добавила:

– Я не любительница ребусы составлять или разгадывать... Пройди в дом, сам все своими глазами увидишь, тогда и решишь, как к этому всему относиться.

Мужчина безоговорочно принял предложение хозяйки, уверенно вошел в калитку, Клавдия Захаровна еще раз бросила быстрый взгляд на его фигуру, неприязненно подумала: «Господи, прости! Это же надо на такие кривые ноги штанишки в обтяжку напялить». Действительно, глядя на эти ноги, складывается такое ощущение, что он всю свою сознательную жизнь в седле провел».

Клавдия Захаровна первой вошла в дом и провела раннего гостя к Тандалай, в ее комнату. Но только ступила на порог, как ее сердце болезненно екнуло: женщины в насиженном углу не было. Ее вообще не было не только в комнате, но и во всем доме. Хозяйка дома недоуменно развела руками:

– Но не в форточку же она вылетела!

За своей спиной она услышала недовольный голос раннего гостя:

– Медведь ее задери! Я так и знал, – и мужчина без объяснений поспешил покинуть дом, потеряв всякий интерес к хозяйке.

– Нет, это прямо наваждение какое-то, – пробурчала встревоженно Клавдия Захаровна. – Однако, тоже надо дом с церковной свечой обойти.

Появление всех этих людей заставило задеть душу женщины, взбудоражить, она не могла зацепиться мыслью за событие, тревожившее ее, понимая, что весточка прилетела из ее такого далекого прошлого, о котором она и думать забыла и уже даже не смела. Надо только понять, с чем связаны эти странные события. Но сосредоточиться ей не дал приход участкового, тихо и внезапно появившегося на пороге дома, вспугнувшего своим голосом ее мысли и заполнившего все пространство кухни:

– Доброе утро, Клавдия Захаровна. Как малец, не нашелся?

– Здравствуй, Павел Юрьевич, – отозвалась хозяйка, соображая, как более мягко рассказать об исчезновении и матери ребенка, но решила не ходить вокруг да около и просто пояснила:

– Тут такое дело, Паша: вслед за Кайратом и Тандалай пропала.

– Как пропала? Ушла что ли? Или уехала?

– Может, и ушла, а может... улетела. Мне она о своих намерениях не сказывалась.

– Ну что я могу сказать? Наверное, решили уехать твои постояльцы. Заявление об исчезновении людей писать, надеюсь, не будешь. Да и пустое это все, – и, облегченно вздохнув, добавил:

– Ну, я тогда пошел что ли? Баба с возу – кобыле легче! – и, наткнувшись на немой упрек женщины, хмыкнул в кулак. – Дел по горло! И не дождавшись ответа от женщины, поспешил покинуть дом.

***

Утро действительно сегодня выдалось на редкость туманное. Тяжелая, серовато-дымчатая пелена надежно висела в воздухе, не давая редким прохожим разглядеть, что происходит буквально в двух шагах от них.

Арина вчера вечером забыла закрыть на ночь в зале форточку, и в квартиру натянуло с улицы сырости и прохлады. Пришлось залезть в уютные джинсы и мягкую, приятно и тепло обтягивающую тело, флисовую водолазку. Она прошла на кухню и налила в чашку кофе, чтобы взбодриться и поднять себе настроение, которое со вчерашнего вечера было удрученным. Ночь, казалось, не принесла бодрости – что-то делать и позитивно думать совсем не хотелось. Голова опять была пустая и холодная, ей даже на миг показалось, что внутри головы гуляет ветер, издавая непонятные звуки,

словно ветер гулял не по голове Арины, а по трехлитровой пустой банке. Она тяжело вздохнула, занесла руку над чашкой с кофе, чтобы перенести ее в спальню и там сесть в свое кресло и насладиться бодрящим напитком. Но не успела даже дотронуться до чашки, как та, громко щелкнув, развалилась на две абсолютно одинаковые половинки.

– Черт, это уже совсем не смешно! – выругалась Арина. – Вторая чашка... – и стала заморожено наблюдать, как кофейная лужица растекалась по столешнице. В голове ненавязчиво, без раздражающих ноток, зазвучала все та же гортанная песня шамана.

– Айя-я-я-я-а-а-а, ойё-ё-ё-ё-о-о-о, э-э-э-э-йя...

Сквозь песню она вдруг явно услышала, что кто-то настойчиво и призывно зовет ее. По-видимому, кому-то срочно понадобилась ее помощь. Забыв про кофейную лужу, Арина подошла к окну, отдернула тюль: ее имя явно прилетало с улицы.

– Ари-и-и-на, Ари-и-и-на...

Арина, словно зомбированная, пересекла кухню, вышла на крыльцо, по тропинке достигла калитки. И тут заметила, что мимо ее дома не прошла, а совершенно невероятно, словно лебедушка, проплыла Тандалай, не заметив ее. Да и сама женщина была какая-то странная, словно прозрачная и невесомая. Арина, заинтересовавшись данным явлением, выскользнула за калитку и заспешила за Тандалай, потому как не только слышала, но и была совершенно уверена, что

именно Тандалай призывно звала ее. Девушка нервно озиралась по сторонам и никак не могла найти ее глазами.

– Ари-и-и-на, Ари-и-и-на...

Арина очень торопилась поспеть за летевшей, не касаясь ногами земли, женщиной, но никак не могла догнать ее – та быстро удалялась. Тогда девушка окликом решила остановить ее и обратить на себя внимание.

– Тандалай, я здесь. Тандалай, подожди, – Арине казалось, что она кричит изо всех сил, но сама не слышала своего голоса, поэтому прибавила шаг: ей именно сейчас просто необходимо было догнать женщину. Только зачем, она объяснить не могла, просто надо, и это ей доподлинно известно. Вскоре вышли за село, достигли кромки леса, Арина старалась не потерять Тандалай из виду. В лесу держать женщину в поле зрения оказалось довольно-таки проблематично: она периодически скрывалась из виду, петляя между частыми деревьями. Арина все ждала, что Тандалай оглянется, но та скользила легко и свободно, не оборачиваясь. Девушка вдруг почувствовала, что устала от бессмысленной погони, остановилась и, переводя дыхание, глубоко вздохнула. И тут она осознала реальность происходящего, удивленным взглядом обозрела лес, совершенно не понимая, как она здесь очутилась.

– Отвяжись, плохая жизнь... Что это со мной? Где я? Как сюда попала?

Над головой послышался резкий надсадный треск, громко разрезавший привычную тишину леса. Арина машинально

задрала голову вверх: от сосны отломилась массивная ветка и стремительно полетела вниз, прямо на девушку. Она даже сообразить не успела, что надо отскочить в сторону, только успела опустить голову и закрыть ладошками лицо. Сосновая лапа накрыла ее, больно ударив тяжелой, сырой веткой по голове. Арина упала и, прежде чем потерять сознание, услышала, как издали зазвучала уже хорошо знакомая песня шамана:

– Айя-я-я-я-а-а-а, ойё-ё-ё-ё-о-о-о, э-э-э-э-йя...

***

Павел Юрьевич поспешно ушел, а Клавдия Захаровна присела у окна, и мысли ее унесли в далекое детство...

Родом она была из Горного Алтая, только мало кто помнил об этом в селе, да и сама она стала забывать далекие годы. Может, поэтому ее так тронула и смутила Тандалай, только она понять не могла, зачем и почему она к ней приехала, хотя прекрасно знала, что этот мудрый по-своему народ просто так ничего не делает. Мысли зацепились за далекое, казалось, совсем забытое прошлое.

Ее будущий отец познакомился совершенно случайно с милой, приветливой, доброй алтайкой Танаш в Новообске. Полюбил ее глубокой, теплой, нежной любовью, вот только Танаш никак не хотела оставаться в огромном мегаполисе, да и ехать на малую родину Захара, в село Боровиково, наотрез отказалась. Делать нечего, пришлось Захару вслед за любимой девушкой ехать в далекое алтайское село Березов. По-

женились, как полагается, вскоре родилась Клавдия, унаследовав от отца, всем на удивление, чисто славянскую внешность, а от матери – доброе, ласковое, понимающее сердце.

Когда Клаве исполнилось шесть лет, мама тяжело и надсадно заболела. Захар втайне переживал, не показывая дочери своей невысказанной боли за жену, рвущей на части доброе сердце. Танаш же внушал, что она во что бы то ни стало выздоровеет. Но мать таяла прямо на глазах. Захар пошел на крайние меры – возил Танаш лечиться к белому шаману – не помогло, тогда повез к черному шаману – результата ноль. И вскоре мама умерла.

Но в памяти Клавы навсегда осталось яркое, чарующее впечатление от посещения шамана. Он врезался ей в память своим необычным, волшебным обликом. Тогда он ей показался настоящим лесным чародеем, покорителем всех птиц и животных. На нем был надет кожаный плащ, отороченный мехом, на одном рукаве пришиты перья разной величины и окраски, на другом зубы животных, на груди красовалось ожерелье из костяных клыков. На голове, спустившись по самые глаза, сидел шлем, украшенный серебряными пластинами и рогами оленя, разбегающимися в разные стороны. По правую руку шамана покорно сидел взрослый тигр, что немало удивило Клаву: она знала всех животных Горного Алтая и была уверена, что в их местности тигры не водятся. Сам шаман сидел перед резной керамической чашей, в которой, словно играя, неторопливо, ласково, прыгали язычки

пламени. Клава засмотрелась на завораживающие языки, и ей вдруг показалось, что это и не огонь вовсе, а игривые маленькие рыжие лисята, которые шаловливо бегали по чаше и, добегая до края, словно испугавшись, что могут выпасть из нее, возвращались на середину, и все начиналось сначала. Она не заметила, как уснула, а пробудилась только тогда, когда отец, мягко ступая и бережно покачивая ее на руках, внес в дом.

После смерти Танаш Захар всю чрезмерную, нерастраченную любовь, ласку и заботу обрушил на Клаву: ему хотелось уберечь дочку от чрезмерной печали, горечи и тоски по матери.

За годы жизни на Алтае отец стал настоящим профессиональным охотником, он сумел выучиться всем хитростям этого тонкого, деликатного и непростого дела. Важным и поворотным событием в его судьбе стала охота на медведя-людоеда, который держал в страхе всю округу, завалил немало людей, в том числе и группу туристов из восьми человек. И вот – удача, которой мог позавидовать любой охотник и которая принесла ему огромный почет и уважение алтайцев. Невообразимым образом он смог завалить этого гигантского зверя, отделавшись многочисленными ссадинами и двумя сломанными ребрами. В награду себе он вырвал у медведя огромный клык и, нанизав его на шелковую нить, носил на шее.

После потери жены Захар тяжело переживал за дочь и

страшно боялся потерять свое ласковое, любимое, единственное сокровище. И однажды отец снял со своей шеи клык и надел его на шею дочери, предупредив, чтобы она никогда не снимала его. Этот желтоватый массивный зуб должен был оберегать ее от агрессии любого лесного зверя. При этом магическом ритуале присутствовал сосед Захара, Кюндюй. Люди поговаривали, что он был потомком шамана и неплохим целителем, но все же редко обращались к нему за помощью, так как человеком он был расчетливым, злопамятным и завистливым. А тот индивидуум, который занимается исцелением тела и души, никоим образом не должен иметь отрицательные качества, иначе целительство будет иметь абсолютно обратный эффект – так считали мудрые люди. Так вот, увидев, как шелковая нить с клыком переместилась на шею несмышленной девчонке, искреннему возмущению Кюндюя не было предела:

– Захар, разве можно такой энергетически мощный амулет доверять ребенку? А если она его потеряет? Ну уж если он тебе не нужен и ты не дорожишь сокровищем, преподнесенным благосклонно тебе самим богом, то отдай его мне.

Захар только снисходительно улыбнулся и, ничего не ответив, погладил ласково дочь по голове и произнес:

– Беги, дочка, играй.

Кюндюй не унимался:

– Не хочешь отдать – продай, любые деньги плачу. Не надо денег? Проси, что хочешь, любое твое желание выполню, –

и, не дождавшись ответа от Захара, добавил:

– Я бы, может, еще понял, если бы ты, как полагается по обычаю, отдал клык сыну, но сына у тебя нет. А дочери он к чему? Женихов привораживать еще рано, да и для такого дела другие привороты имеются. А тут... – Кюндюй только успевал от возмущения похлопывать руками по ногам.

Но, Захар был непреклонен и неумолим. И наконец-то, не выдержав напора соседа, пояснил:

– Да пойми ты, Кюндюй, этот оберег помощнее любого заговора будет. Мне дочь беречь надо – одна она у меня, родная кровинка, здесь осталась. И если, не дай бог, с ней вдруг что-то случится, я не переживу такого горя. Мое сердце просто не выдержит еще одной потери...

Кюндюй после отказа Захара затаил злобу и обиду и стал обходить дом Захара стороной, вынашивая план завладения вожаделенной вещью.

***

Клаве было лет восемь, когда она с подругой Милике, дочерью Кюндюя, не предупредив отца, отправилась в лес по малину. Настроение у девочек было отличное, они всю дорогу смеялись, подшучивали друг над другом, резво передвигаясь по знакомой тропе. Тот год выдался довольно-таки урожайным, и подруги уже не первый раз ходили проторенной заветной тропинкой в малинник за сочной, сладкой, лечебной ягодой: тут и налакомиться вдоволь можно, и с пустым бидончиком точно домой не уйдешь. Девочки так

увлеклись сбором ягод, что не заметили, как забрели в самые заросли малинника. Собирали ягоду в легкие алюминиевые бидончики молча, не забывая класть самые крупные и сладкие, мясистые, сочные ягоды в рот. От сбора ягод их неожиданно отвлек шорох и треск сухих веток на другой стороне малинника. Клава насторожилась, напряглась, ее вдруг поглотило необъяснимое беспокойство, захотелось вернуться в уютный, теплый дом и прижаться к широкой груди отца.

– Милике, давай вернемся домой. Ягоды мы набрали, да и наелись вдоволь.

– Клава, разве тебе не интересно, кто там? Может быть, кто из наших знакомых ребят тоже за ягодой пришел, – отозвалась Милике. И, не разбирая дороги, царапая колючими ветками лицо, поглощенная идеей удовлетворить неуемное детское любопытство, она пробиралась на звуки громкого треска сухих веток малинника.

Клаве ничего не оставалось, как осторожно продвигаться за Милике – ну не оставлять же, в конце концов, подругу одну! Но с каждым шагом беспокойство усиливалось, и она сделала еще одну попытку образумить подругу.

– Милике, мне страшно. Давай вернемся. А вдруг там медведь... – Клава не успела закончить фразу: подруга громко и радостно вскричала:

– Клава, ты права! Только здесь не медведь, а медвежонок!

Медвежонок, учуяв запах людей и услышав посторонние

звуки, отскочил от малинника и сел от страха на пятую точку, вытянув вперед задние ноги, словно человек.

А Милике продолжала умиленно щебетать:

– Ой какой хорошенький, маленький, пушистенький! – и, выходя на солнечную полянку, заспешила к медвежонку. – Да ты моя кроха! Ты один? Клава, ну чего ты отстаешь? Он, наверное, потерялся. Сейчас, сейчас я тебя поглажу и пожалею, – сюсюкалась Милике с медвежонком, словно с маленьким ребенком.

Клава же застыла на краю малинника, ноги стали тяжелые и непослушные. Она с замиранием сердца наблюдала, как подруга приближалась, хотя и к маленькому, но все же зверю. В данную минуту Клава испытывала совершенно противоречивые чувства. С одной стороны, ей сейчас хотелось быть рядом с Милике и потрепать медвежонка по пушистой холке, с другой стороны, она чувствовала необъяснимую тревогу и ей хотелось поймать подругу за руку и утащить назад, подальше от испуганного животного.

Через полянку начинались новые, густые заросли малинника, и именно оттуда, крадучись, осторожно хрустя сухими ветками, медленно двигалась невообразимой величины бурая махина. Не успела Клава открыть рот, чтобы крикнуть подруге: «Беги!», как медведица в два прыжка подскочила к Милике, гигантской лапой накрыла ее голову, одним движением сдернула с нее скальп и подмяла под себя. Все произошло так быстро, что Клава даже ойкнуть не успела. Стояла на

краю малинника и не могла пошевелиться и смотрела во все глаза на чудовищно огромную медведицу. Медведица тоже почувствовала пронизывающий взгляд беззащитной девочки и, оставив в покое обезображенное тельце Милке, сделала плавный шаг в ее сторону. Клава машинально нащупала на груди заветный оберег и что было сил, не чувствуя боли, сдавила его в кулачке. Медведица вдруг на миг замерла, встала на задние лапы, оскалив огромную пасть с массивными зубами, зарычала и мягко рухнула на все четыре лапы. Потеряв отчего-то интерес к Клаве, подтолкнула лапой медвежонка к малиннику и вместе с ним неторопливо стала удаляться.

***

Милике чудом удалось спасти, но девочка от пережитого страха и полученных травм потеряла дар речи и у нее отнялись ноги.

А полгода спустя Клаву настигло и поглотило с головой новое безутешное горе. На охоте отца насмерть заломал медведь-шатун. Дальние родственники по линии матери не горели желанием взять девочку на воспитание. И кто-то из них написал письмо родной сестре Захара, и вскоре из Боровиково приехала незнакомая женщина и, назвавшись тетей Дусей, объявила Клаве, чтобы та собирала свои вещи в дорогу.

Перед отъездом девочки из родного дома заглянул сосед, дядя Кюндюй, и убеждал Клаву отдать ему клык медведя, но она проявила настойчивое не по-детски упрямство и ответила ему, что не может расстаться с подарком отца – он для

нее бесценен. Кюндюй ушел в полном бешенстве, не скрывая своих негативных эмоций, даже забыв напоследок попрощаться.

Клава в день отъезда узнала, что Миликке выписали из больницы, и решила навестить ее и заверить, что обязательно будет писать ей письма.

Миликке лежала на кровати, ее прикрытое одеялом до самого подбородка, хрупкое тельце выглядело совершенно безжизненным. На приход подруги почти никак не отреагировала, ввалившиеся от продолжительной болезни глаза выражали глубокую печаль и безразличие. И только когда Клава сказала, что уезжает навсегда и они, наверное, больше никогда не увидятся, из затуманившихся от слез глаз Миликке по вискам потекли два тонких прозрачных ручейка, оставляя на коже девочки извилистые бороздки.

***

Детское сердце отходчивое, особенно тогда, когда чувствует заботу, ласку и любовь. Тетя Дуся оказалась замечательным человеком и по-настоящему второй матерью для Клавы. Своих у нее было трое детей, и все – мальчишки, озорные и непослушные. А тут бог еще подарил родного человечка, девочку, к которой женщина сразу прониклась теплотой и сочувствием, постоянно защищая ее от нападков своих мальчишек, даже тогда, когда Клава была неправа.

Так и выросла Клава в заботе и любви и навсегда в ее душе поселилась благодарность к семье тети, а село Боровиково

стало ее настоящей второй родиной.

Здесь же, в Боровиково, она вышла замуж, и тут ей повезло – муж оказался спокойным, внимательным, степенным и заботливым человеком. А когда Роман связал свою судьбу с лесом и стал лесником, она это приняла как должное, но постоянное беспокойство не покидало ее. И вот однажды она сняла с себя оберег и, как муж ни сопротивлялся, повесила ему на шею шелковую веревочку с отполированным за долгие годы клыком со словами:

– Пусть хранят тебя духи!

... Клавдия Захаровна не заметила, как воспоминания захватили ее с головой, она словно пережила все события заново, и помимо своей воли прошептала эту фразу вслух. Женщина встрепенулась, потеряла ладонью в области груди – что-то игла беспокойства стала чаще напоминать о себе, болезненно покалывая сердце – и подумала: «Что это я в воспоминания улетела? Неужто так Тандалай с сыном потревожили мою душу? – и, поднявшись с места, вернулась мыслями к мирским делам. – Я же с вечера тесто поставила, как бы не убежало. Надо пироги печь, сегодня Рома домой должен наведаться».

***

Роман Семенович уставший, но довольный возвращался знакомой дорогой в свою сторожку лесника. Он покинул ее еще утром, а к полудню уже успел набрать почти полный походный рюкзак белого гриба. И вот теперь, неторопливо ша-

гая, дополнял рюкзак попадавшимися на каждом шагу грибами. То тут, то там среди влажного мха вырастала коричневая шляпка ценного дара леса. Роман, не ленясь, наклонялся и, словно со старым знакомым, с каждым грибочком вел беседу:

– Вот ты где притаился... Думал, я тебя не замечу? ... Какой красавец! – освобождал он толстую, мясистую ножку ото мха и старался срезать ее острым ножом у самой земли. Ножка была чуть влажная, чисто белая, упругая, без единой червоточинки. Он бережно убирал сосновые иголки с шершавой, темно-коричневой, почти шоколадной, шляпки и нежно думал о жене, вспоминая ее милое, родное лицо и заботливые руки, которыми она бережно мыла каждый грибок, когда Роман приносил лесные дары домой.

«Клавдия будет довольна. Не один час ей придется провозиться с грибами. Те, что крупнее и мясистее, она порежет и, разложив на решето, отправит сушиться на солнышке. А мелкие отварит и замаринует», – Роман вспомнил запотевшую баночку с грибами, которую Клава доставала из холодильника и перемещала на стол, аккуратно выкладывая скользкие, с тягучим, запашистым маринадом грибочки из банки на тарелочку, и вдруг резко почувствовал, что проголодался.

– Нет, все – хватит! – произнес он вслух. Надо возвращаться в сторожку и собираться домой. У Клавдии сегодня, наверняка, его любимые пироги к ужину будут, с яйцами и

зеленым луком. У Романа, как только он вспомнил о пирогах, предательски зашелся желудок, настойчиво требуя пищу.

Роман, подойдя к сторожке, снял с плеча тяжелый рюкзак, осторожно поставил его на деревянную лавку и поспешил освободиться от тяжелой одежды. Скинул непромокаемый защитного цвета, доходивший почти до пят, плащ, повесил его на крючок, прибитый к столбу, и с трудом стянул с уставших ног кирзовые сапоги – ногам сразу стало легко и свободно. Привычным движением зачерпнул из ведра ковш воды и наполнил умывальник, прибитый прямо к стене сторожки; тут же было прикреплено старое, затертое, с глубокой трещиной в нижнем правом углу зеркало. Он открыл замок на входной двери и пошел за полотенцем вовнутрь помещения. Не прошло и пяти минут как Роман вышел на улицу с полотенцем в руках и сразу кожей почувствовал чье-то присутствие. Он медленно поднял глаза и встретился со взглядом незнакомого мальчика. Только этот мальчик был не из плоти, а просвечивал насквозь, этакий воздушный силуэт, и ощущалось, что он совсем невесомый, и только невероятно печальные, пронизательные глаза смотрели Роману в самую душу. Лесник не удивился, увидев мальчика, и не испугался, ответил на его взгляд спокойно и приветливо. Их глаза, сцепившись, изучали друг друга какое-то время. Мальчик первым отвел взгляд, словно потеряв интерес к мужчине, развернулся и неторопливо стал удаляться. А Роман, совер-

шенно опустошенный и разбитый, отрешенно пошел к умывальнику и, проходя мимо зеркала, задержался перед ним и, взглянув на свое бледное отражение, пробурчал:

– Эх тебя, Рома, перевернуло! Все, надо отдыхать, – и машинально провел рукой по голове, словно зачесывая короткие волосы назад, и, спустившись ладонью к шее, с силой потер ее – и тут же замер. Его рука не наткнулась на привычную шелковую веревочку, на которой висел оберег. Роман оттянул горловину тельняшки и посмотрел на грудь – клыка не было. Он обессиленно опустился на лавку и выругался:

– Тьфу ты, черт! Как же это?! ... Что я Клавдии скажу? Столько лет носил и хоть бы что. А тут... – раздраженно стукнул он ладонью по колену.

***

Арина очнулась, но глаза не открывала. Она почувствовала, что лежит на чем-то необычайно мягком, уютном, теплом, словно утонула в перине тети Тани, на которой просто обожала спать в детстве. Правда, когда зимой тетя жарко топила печь, ей иногда казалось, что перина прилипает к телу и вылезшие пушинки неприятно покалывают кожу. Вот и сейчас ей было слишком знойно и немного душно, и через водолазку проникали колючие иголки неизвестно от чего.

Она вдруг остро осознала, что не может именно сейчас лежать на перине тети Тани, так как поспешила в лес за Тандалай, но потеряла ее из виду, а потом – эта сосновая лапа, накрывшая ее с головой. Арина осторожно, с некоторой

долей опаски, приоткрыла глаза, и первое, что она увидела, это огромная керамическая резная ваза, от которой и исходил нестерпимый жар. Она постаралась сесть, упершись рукой о землю, но рука утонула в мягкой подушке мха, из которой торчали засохшие старые сосновые иголки. «Так вот что неприятно покалывало тело», – непроизвольно пробежала мысль.

Неожиданно закружилась голова, Арина прикрыла глаза, но собралась с силами, изловчилась и села. Ее голова опять сделалась пустой, и слух уловил успокаивающую песню шамана:

– Айя-я-я-я-а-а-а, ойё-ё-ё-ё-о-о-о, э-э-э-э-йя.

Она медленно открыла глаза – прямо напротив нее сидел шаман в надвинутом на глаза шлеме, украшенном разветвленными рогами и серебряными пластинками, все его лицо было разрисовано красками. Но появление этого, как ей показалось, киношного, персонажа нисколько не удивило, и даже в какой-то мере она обрадовалась тому обстоятельству, что в не известном ей месте находится не одна и, по большому счету, нечего и некого бояться, и она спокойно стала дальше рассматривать шамана. На нем был кожаный плащ, по левую его руку лежал бубен с колотушкой, а по правую спокойно и безразлично сидел тигр.

Арина вдруг остро осознала: то, что она видит, не может быть явью, и, скорее всего, у нее от удара веткой случились галлюцинации, и она, закрыв глаза, усиленно потрясла го-

ловой. А когда открыла их, шаман сидел на прежнем месте, он не обращал на девушку совершенно никакого внимания, словно ее здесь вовсе и не было, и руками совершал какие-то манипуляции над чашей. Арина посмотрела на руки шамана, никогда не знавших тяжелого труда, и удивилась белой коже, тонким пальцам с красивыми ухоженными ногтями и перевела взгляд на язычки пламени. В какую-то минуту ей стало понятно, что это не огонь, а маленькие, игривые, шаловливые лисята, которые резвясь бегали по чаше. И тут она услышала поспешные приближавшиеся шаги. Под ногами незнакомцев неестественно громко хрустели сучки, небольшие веточки, сосновые шишки. Ей даже почудилось, что она видит ноги, уверенно ступавшие между деревьями. Но вскоре ее чуткий слух уловил голоса, и она увидела двух мужчин – они были явно не из села, это девушка определила по необычной для данного места внешности, да еще в строгих, черных костюмах.

– Табыт, если бы ты был чуть расторопнее, мы бы не упустили из виду путь Тандалай, – отчитывал крепкий на вид молодой мужчина алтайской внешности идущего рядом с ним худощавого парня лет восемнадцати, тоже алтайской внешности.

Арина испуганно ждала, что вот сейчас они заметят и ее, и шамана с тигром и обязательно о чем-то спросят. Но мужчины, поравнявшись с ними, находясь всего в шаговой доступности, даже не обратили на них внимания, словно их во-

все и не было в лесу. А восемнадцатилетний парень оправдывался:

– Я не знаю, Эшер, как я потерял ее из виду. Словно злые духи перемешали все тропинки и запахи вместе, превратив их в запутавшийся клубок змей. С какого бока ни коснись этого клубка, все равно будешь ужаленным.

– Табыт, нечего на духов пенять. Я тебя предупреждал, что у нее сильные небесные покровители. А ты мне что ответил? Что сможешь подавить ее ауру.

– Я тебе повторяю, что ей кто-то помогает. Я это чувствую, – мужчины удалялись, голоса становились тише.

Арина взглядом вернулась к огню: лисята в чаше подросли, им было тесно, они уже не играли так наивно и радостно. Каждый старался вытолкнуть из чаши сородича или укусить ближнего. Где-то за спиной Арины опять слышались те же самые шаги, она узнала их по осторожной уверенности. Это были точно шаги чужаков. Нехотя оторвав завораживающий взгляд от лисят, она оглянулась – мужчины шли прямо на чашу с огнем.

– Табыт, а тебе не кажется, что мы здесь уже были? Ты что, дорогу перестал читать? Так и заблудиться недолго.

– Не труть, Эшер. Мне показалось, что, когда мы проходили здесь, я упустил что-то важное. Вот теперь хочу проверить, так ли это, – ответил Табыт, ступая прямо в середину чаши. Один лисенок оторвался от сородичей и нырнул мужчине в узкую штанину. Арина затаила дыхание. Но мужчи-

на миновал чашу, потоптался на месте, затем смешно потряс ногой в воздухе, словно хотел вытряхнуть лисенка – видно, он ему доставил дискомфорт – и, поправив штанину, произнес:

– Нет, Эшер, я кожей чувствую, что здесь что-то не так. Ладно, потом разберемся, – и стал быстро удаляться. Эшер прибавил шаг, чтобы не отстать от Табыта, и продолжал настаивать на своем:

– Я тебе говорю, что это Тандалай нас по лесу кружит, видно старается отвести нас от своего сына, запутать следы.

Арина проводила взглядом мужчин и после их ухода с облегчением вздохнула и вернула взгляд к чаше. Но ни чаши, ни шамана на месте не было. Она почему-то не удивилась, поднялась на ноги и обеспокоенно стала всматриваться в ближайшие окрестности, но никакие признаки на присутствие здесь ранее людей не указывали. Откуда-то издалека прилетело еле слышное.

– А-ри-и-и-ина, А-ри-и-и-ина!

***

По кухне Клавдии Захаровны витали сдобные запахи. Оставив в стороне растревожившие душу воспоминания о детстве, она с головой окунулась в домашние заботы. Тесто, поставленное с вечера, хорошо подошло, получилось удачное, мягкое, податливое, и она напекла и нажарила кучу пирогов с разнообразными начинками: со свежей капустой и морковкой; картошкой и грибами; с печенью, рисом и тык-

вой, и конечно, любимые пироги мужа – с яйцами и зеленым луком. Снимая последние пироги с противня, Клавдия Захаровна вспомнила об Арине:

«Обещала утром зайти, а время уже к полудню, а она не идет. Надо позвонить ей, на пироги позвать, – но тут же передумала. – Нет, лучше сама схожу, выпечку отнесу. Вот только передник переодену, а то вся заляпалась мукой», – и отправилась в гостевую комнату, чтобы переодеться. Но только ступила на порог, тут же обмерла – на кровати сидел с заспанными глазами Кайрат. Тандалай находилась на прежнем месте, в углу комнаты.

– Господи, помилуй! – промолвила женщина. – Когда же вы вернулись? Я же из дома никуда не выходила, как я вас пропустила?

Кайрат, не глядя на хозяйку и проигнорировав ее вопросы, тихо произнес:

– Как вкусно пахнет. Я кушать хочу.

Тандалай, услышав голос сына, встрепенулась, подняла голову и открыла глаза.

– Сынок, ты дома. Слава духам! – и, поднявшись из угла, присела на кровати рядом с сыном, прижав его к себе и ласково погладив по голове.

– Ты где была? – не унималась Клавдия Захаровна, начиная раздражаться и нервничать.

– Душу сына сопровождала, – ответила просто Тандалай, продолжая гладить сына по голове. – Следила, чтобы ничего

с ним не случилось.

Клавдии Захаровне данное объяснение показалось странным, а вдаваться в подробности пока не хотелось. Да и что она могла услышать в ответ – только следующую нелепость, которая, по всей видимости, будет еще страннее, чем предыдущая, и вконец выведет женщину из душевного равновесия.

– Ладно, я там пирогов напекла, ешьте. А мне уйти по делам ненадолго надо.

***

Клавдия Захаровна шла по улице и, изредка кивая приветственно головой встречавшимся односельчанам, мысленно рассуждала:

«Чует мое сердце: что-то здесь не так. Если Тандалай дружит с духами и появилась в моем доме, значит ей что-то от меня надо. Вот только что? Может, я ошибаюсь и она выбрала мой дом как пристанище? Я с самого детства на Алтае не была, да и ничего у меня примечательного или имеющего ценность для духов нет, – женщина немного успокоилась и додумала. – Нет, точно не ко мне, потому как Тандалай с сыном уходили из дома искать что-то. Но видно не нашли. И за ними, скорее всего, идет охота, иначе не появился бы здесь этот странный, самоуверенный алтаец. И если Тандалай с сыном в ближайшее время не покинут мой дом, значит, надо быть готовой к новым гостям», – и, заходя в дом к Арине, повысив голос, спросила:

– Есть кто дома?

Никто на ее голос не отозвался, и женщина пробурчала:

– Странно: дом не заперт. Вышла что ли куда? – она поставила миску с пирогами, прикрытую хлопковой цветной салфеткой, на стол и все же решила пройти в комнату.

Арина, свернувшись клубочком, тепло одетая, спала на кровати. Клавдия Захаровна вначале не хотела тревожить девушку и собралась просто развернуться и уйти, но что-то ей подсказывало, что надо остаться, и она тихонько позвала:

– А-ри-и-и-ина, А-ри-и-и-ина!

Арина приоткрыла глаза, и первое, что вымолвила, было удивленное:

– Вы?

– А ты кого-то другого ждала? – поинтересовалась Клавдия Захаровна.

Арина села на постели, обвела удивленным взглядом комнату, словно видела ее впервые, и ответила:

– Да нет. Просто такой сон странный видела... Да ладно, потом расскажу, – и быстро соскользнула с кровати.

Женщина внимательным взглядом ощупала Арину, но спрашивать ничего больше не стала, только пояснила:

– Я там это... пирогов тебе свежих принесла. Ты, наверное, сегодня еще и не ела?

Арина отрицательно покачала головой, с прикроватной тумбочки взяла резинку и, собрав волосы, завязала хвост и направилась на кухню. И первое, что она увидела, это была

расколотая чашка и пятно от кофе на столешнице и полу.

– Черт, отвяжись, плохая жизнь... Так это что получается, был совсем не сон? – занервничала Арина, скрестив руки на груди, словно вся съежилась, по спине змейкой пробежал холодок.

Клавдия Захаровна внимательно наблюдала за Ариной и, проследив за ее взглядом, увидела разбитую чашку, которую ранее отчего-то не заметила, поинтересовалась:

– Не стала вчера дом с церковной свечой обходить? Да и крест над дверью я у тебя не заметила, – разнервничалась Клавдия Захаровна.

– Я пыталась, но...

– Тебе решать, сделать это или нет, – перебила Арину женщина, не удосужившись выслушать полноценный ответ. – Только пойми правильно, все действия ты должна произвести сама. Или же это сделать тебе должен глубоко верующий человек.

– А может, Вы? – с надеждой спросила Арина.

– Ой, Арина, я точно для этого не гожусь, – и, наткнувшись на взгляд девушки, где одновременно плескалось удивление, любопытство и просьба, ответила:

– Нет, я, конечно, верующий человек, но не настолько... э-э-э... – подбирала слова Клавдия Захаровна. Но тут у нее как нельзя, кстати, затрезвонил телефон – звонила соседка – и она поспешно ответила:

– Да, Галя!

На другом конце Галина встревоженно поинтересовалась:

– Клава, ты где?

– Ой, Господи, Галя, что случилось?

– Да тут к тебе машина большая, черная приехала. Некие молодые люди хотели настойчиво в дом попасть. А я видела, как ты уходила, сказала им, что тебя дома нет. А они твердят, что им очень надо. Кстати, ты дом-то почему не закрыла, забыла что ли? – тараторила соседка, не давая вставить слово Клавдии Захаровне.

– Галя, можешь толком сказать, чем все закончилось?

– Да ничем. Вон, олухи небесные, в машине сидят, ждут твоего возвращения.

– Хорошо. Я сейчас приду, – и, отключив телефон, бросила Арине.

– Мне надо идти, а ты прибегай, когда время будет.

– Клавдия Захаровна, а как Тандалай? – вдруг вспомнила Арина про незнакомку. – А Кайрат нашелся?

– Да все на месте... – и, поймав любопытный взгляд девушки, поспешно добавила, – потом расскажу. Все потом, – торопливо ответила женщина, направляясь к выходу.

Арина щелкнула чайником, выбросила разбившуюся чашку, неспешно вытерла кофейные лужицы на столешнице и на полу и, бросив взгляд на свечи и мелок, лежавшие на столе со вчерашнего вечера, подумала:

«Сейчас попью чай и обязательно сделаю так, как сказала Клавдия Захаровна. А то что-то явь от сна отделить не

могу, – и, вспомнив себя в лесу и загадочного шамана, направила движение мыслей в другое русло. – А шаман – красавец: этот шлем, кожаный плащ, украшенный перьями, на груди ожерелье из зубов диких зверей, и руки... Руки просто удивительно красивые, изящные, кожа прозрачная, длинные пальцы, словно у пианистки, на сгибах пальцев даже обычных морщинок не видно...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.